



КНИГА
ТЫСЯЧИ
И ОДНОЙ
НОЧИ



РАССКАЗ О ХАТИМЕ АТ-ТАИ



что касается рассказов о великодушных, то они очень многочисленны и к ним принадлежит то, что рассказывают о великодушии Хатима ат-Таи.

Когда он умер, его похоронили на вершине горы, и у его могилы вырыли два каменных водоема и поставили каменные изображения девушек с распущенными волосами. А под этой горой была текущая река, и когда путники останавливались там, они всю ночь слышали крики, но наутро не находили никого, кроме каменных девушек. И когда остановился в этой долине, уйдя от своего племени, Зу-ль-Кура, царь химьяритов, он провел там ночь...»

И Шахразду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Зу-ль-Кура остановился в этой долине, он провел там ночь. И, приблизившись к тому месту, он услышал крики и спросил: «Что за вопли на вершине этой горы?» И ему сказали: «Тут могила Хатима ат-Таи, и над ней два каменных водоема и изображения девушек из камня, распустивших

волосы. Каждую ночь те, кто останавливается в этом месте, слышат эти вопли и крики».

И сказал Зу-ль-Кура, царь химьяритов, насмехаясь над Хатимом ат-Таи: «О Хатим, мы сегодня вечером твои гости, и животы у нас опали».

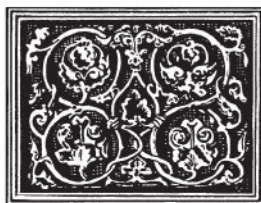
И сон одолел его, а затем он проснулся, испуганный, и крикнул: «О арабы, ко мне! Подойдите к моей верблюдице!» И, подойдя к нему, люди увидели, что его верблюдица бьется, и зарезали ее, зажарили и поели. А потом спросили царя, почему она пала, и он сказал: «Мои глаза смежились, и я увидел во сне Хатима ат-Таи, который подошел ко мне с мечом и сказал: «Ты пришел к нам, а у нас ничего не было!» И он ударил мою верблюдицу мечом, и, если бы мы не подоспели и не зарезали ее, она бы, наверное, околела».

А когда настало утро, Зу-ль-Кура сел на верблюдицу одного из своих людей, а его посадил позади себя. В полдень они увидели всадника, ехавшего на верблюдице и ведшего на руке другую. «Кто ты?» — спросили его. И он ответил: «Я Ади, сын Хатима ат-Таи. Где Зу-ль-Кура, эмир химьяритов?» — спросил он потом. И ему ответили: «Вот он».

И Ади сказал ему: «Садись на эту верблюдицу, твою верблюдицу зарезал для тебя мой отец». — «А откуда тебе известно это?» — спросил Зу-ль-Кура. «Мой отец явился ко мне сегодня ночью, когда я спал, — ответил Ади, — и сказал мне: «О Ади, Зу-ль-Кура, царь химьяритов, попросил у меня угощения, и я зарезал для него его верблюдицу; догони же его с верблюдицей, на которую он сядет, — у меня ничего не было».

И Зу-ль-Кура взял ее и удивился, сколь великодушен был Хатим ат-Таи, живой и мертвый.

К числу рассказов о великодушных относится также рассказ о Мане ибн Заида.





РАССКАЗ О МАНЕ ИБН ЗАИДЕ



один из дней Ман ибн Заида был на охоте и захотел пить, но не нашел у своих слуг воды. И когда это было так, вдруг подошли к нему три девушки, которые несли три бурдюка с водой...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что к нему подошли три девушки с тремя бурдюками воды, и Ман попросил у них напиться, и они напоили его. И он приказал, чтобы слуги принесли девушкам подарки, но у них не нашлось денег, и тогда он дал каждой девушке по десять стрел из своего колчана, наконечники которых были из золота.

И одна девушка сказала своей подруге: «Послушай, только Ман ибн Заида способен на такое. Пусть каждая из нас скажет стихи в похвалу ему».

И первая девушка сказала:

«Приделал концы из золота он к стрелам,
И бьет врагов он, щедрый, благородный.

Больным от ран несут они леченье
И саваны для тех, кто лег в могилу».

А вторая сказала:

«О воюющий! От щедрот великих руки его
Своей милостью и врагов объял и любимых он,
Были отлиты концы стрел его из золота,
Чтоб сражения не могли его доброты лишить».

И третья сказала:

«От щедрости он разит врагов своих стрелами,
С концами из золота чистейшего литыми,
Чтоб мог на лекарство их истратить пораненный
И саван купить могли б стрелой той убитому».

И говорят, что Ман ибн Заида выехал со своими людьми на охоту и к ним приблизилась стая газелей. И охотники рассеялись, преследуя их, и Ман отделился от своих спутников в погоне за газеленком. Настигнув его, он спешился и прирезал газеленка, и увидел вдруг какого-то человека, который ехал из пустыни на осле. И Ман сел на своего коня и поехал навстречу этому человеку, и приветствовал его и спросил: «Откуда ты?» И человек ответил: «Я из земли Кудаа. Уже несколько лет там неурожай, но в этом году собрали кое-что. И я посеял огурцы, и они уродились не в срок, и я собрал огурцы, которые считал наилучшими, и отправился к эмиру Ману ибн Заиду, зная его щедрость и милость, о которой повествуют повсюду». — «Сколько ты надеялся получить от него?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тысячу динаров». — «А если он скажет тебе: это много?» — спросил Ман. «Пятьсот динаров», — ответил человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Триста динаров», — ответил человек. «А если он скажет: много?» — продолжал Ман. «Двести динаров», — сказал человек. «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Сто динаров». — «А если он скажет: много?» — молвил Ман. И человек ответил: «Пятьдесят динаров». — «А если он скажет: много?» — спросил Ман. И человек ответил: «Тридцать динаров». — «А если он скажет: много?» — спросил Ман. «Тогда я поставлю моего осла в его гарем и вернусь к своей семье обманувшийся, с пустыми руками!» — ответил человек.

И Ман засмеялся и, погнав коня, настиг своих воинов, а спешившись около своего жилища, он сказал привратнику: «Когда к тебе подъедет на осле человек с огурцами, введи его ко мне». И через час подъехал этот человек, и привратник разрешил ему войти. Войдя к эмиру Ману, этот человек не узнал, что это тот, кого он встретил в пустыне, из-за его величавого и благородного вида и большого ко-

личества слуг и челяди (Ман сидел на престоле своей власти, и его слуги стояли справа от него и слева и впереди его).

И когда этот человек приветствовал эмира, тот сказал ему: «Что привело тебя, о брат арабов?» И человек молвил: «Я надеялся на эмира и принес ему огурцы, когда им не время». — «Сколько ты рассчитывал получить от нас?» — спросил Ман. «Тысячу динаров», — ответил человек. И Ман сказал: «Это много!» — «Пятьсот динаров!» — сказал человек. И Ман ответил: «Много!» — «Триста динаров», — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Двести динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Сто динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Пятьдесят динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!» — «Тридцать динаров!» — сказал человек. И Ман отвечал: «Много!»

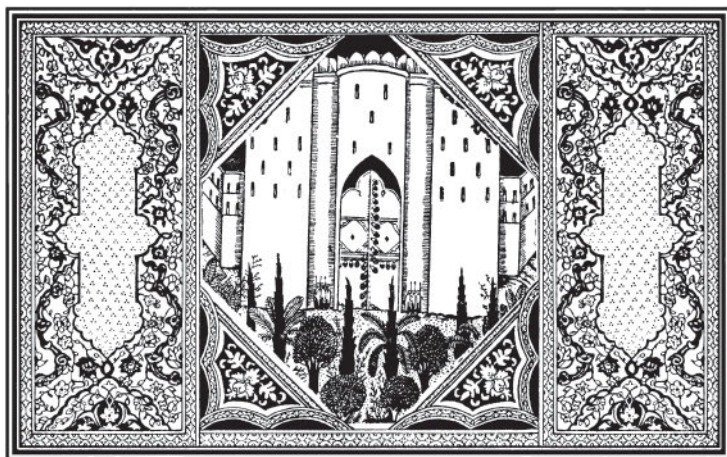
И тогда прибывший воскликнул:

«Клянусь Аллахом, тот человек, который меня встретил в пустыне, был злосчастным! Но не дашь же ты мне меньше чем тридцать динаров?» И Ман засмеялся и промолчал, и тогда араб понял, что это — тот человек, который ему встретился в пустыне, и сказал: «О господин, если ты не велишь принести тридцать динаров, то вон осел привязан у ворот, а вот сидит Ман!»

И Ман так рассмеялся, что упал навзничь, а потом он позвал своего поверенного и сказал: «Дай ему тысячу динаров и пятьсот динаров и триста динаров и двести динаров и сто динаров и пятьдесят динаров и тридцать динаров, и пусть осел останется привязанным на том же месте!»

И араб был ошеломлен, и он получил две тысячи сто динаров и восемьдесят динаров, и да будет милость Аллаха над ними всеми!





РАССКАЗ О ГОРОДЕ ЛАБТАЙТЕ



дошло до меня, о счастливый царь, что был город, называемый Лабтайт, и это была обитель власти румов, и находился там дворец, постоянно запертый. И всякий раз, как у румов умирал царь и вступал вместо него другой царь, он приделывал ко дворцу крепкий замок. Так на воротах дворца оказалось двадцать четыре замка — от каждого царя по замку.

А после этого во дворце воцарился человек не из царской семьи. И захотел он отпереть эти замки, чтобы посмотреть, что во дворце. И вельможи царства стали удерживать его от этого и порицали его и бранили, но он не захотел подчиниться им и воскликнул: «Отпереть этот дворец неизбежно!» И они пожертвовали ему все, что было у них из драгоценностей и сокровищ, чтобы он не отпирал дворца, но царь не отказался...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жители царства пожертвовали этому царю все, какие были у них, деньги и сокровища, только бы он не отпирал того дворца, но царь не отказался от намерения отпереть его и, сняв замки, открыл ворота. И он нашел во дворце изображе-

ния арабов на конях и верблюдах, и были на них свисающие тюрбаны, и опоясаны они были мечами и держали в руках длинные копья. Царь нашел во дворце также книгу, и он взял эту книгу, и стал читать, и увидел, что в ней написано: «Когда отпрут эти ворота, одолеет страну племя арабов, обликом подобных этим изображениям; остерегайтесь и еще раз остерегайтесь отпереть ворота!»

А был тот город в Андалусии, и завоевал его Тарик ибн Зияд в том же году, в халифство аль-Валида ибн Абд-аль-Мелика из сынов Омейи, и убил он того царя наилучшим убийством, и разграбил его страну, и взял в плен женщин и юношей, и захватил все богатства. А нашел он там великие сокровища: больше ста семидесяти венцов из жемчуга, яхонта и дорогих камней, и увидел там дворец, где всадники могли бы биться копьями, и обнаружил столько сосудов из золота и серебра, что их не охватить описанием. И там оказался тот столик, что принадлежал пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда, — мир с ними обоими! — и был этот столик, как говорят, из зеленого изумруда, и он до сих пор хранится в городе Рима, и кубки на нем из золота, а блюда из агата. И нашел он там псалмы, написанные греческими письменами на золотой бумаге, украшенной драгоценными камнями. И нашел книгу, где говорилось о полезных свойствах камней и растений, о достоинствах городов и селений, и талисманах, и науке о химических составах из золота и серебра, и обнаружил другую книгу, где рассказывалось об искусстве выделки яхонтов и драгоценных камней и составлении ядов и противоядий и где было изображение земли, морей, и стран, и рудников. И оказалась во дворце большая комната, где хранилось много эликсира, драхма которого может превратить тысячу драхм серебра в чистое золото. И нашел он там зеркало, большое, круглое и дивное, сделанное из разных составов для пророка Аллаха Сулеймана, сына Дауда, — мир с ними обоими! И когда посмотрит в него смотрящий, он увидит воочию все семь климатов. И нашел он в этом дворце помещение, где было столько карбункулов, что не охватить их счетом.

И согнали верблюдов, и Тарик свез это все к аль-Валиду ибн Абд-аль-Мелику, и арабы рассеялись по городам этой земли, а это одна из величайших стран. И вот конец рассказа о Лабтайте.





РАССКАЗ О ХАЛИФЕ ХИШАМЕ И ЮНОШЕ



асказывают также, что Хишам, сын Абд-аль-Мелика ибн Мервана, как-то был на охоте и вдруг увидел газеленка. И он погнался за ним с собаками и, преследуя газеленка, увидел юношу из арабов-кочевников, который пас овец. «О юноша, перед тобой этот газеленок, он убежал от меня», — сказал Хишам, и юноша повернул к нему голову и молвил: «О значения лучших не знающий, ты посмотрел на меня глазом умаляющим и заговорил со мною речью унижающей! Речью притесняющего твоя речь была, а поступки твои — поступки осла». — «Горе тебе, разве ты меня не знаешь?» — воскликнул Хишам. И юноша ответил: «Тебя я узнал, ибо невежей ты себя показал, сказав мне все это прежде привета!» — «Горе тебе — я Хишам ибн Абд-аль-Мелик!» — воскликнул Хишам. И кочевник ответил: «Аллах не приблизь твой родной край и твоей могиле жизни не дай! Как много ты сказал и как мало уважения показал!»

И не закончил халиф своих слов, как воины окружили его со всех сторон и все вместе сказали: «Мир тебе, о повелитель правоверных!» — «Сократите свои речи и стерегите этого юношу!» — сказал Хишам. И юношу схватили. Увидев так много царедворцев, везирей и вельмож царства, он не обратил на них внимания и не спросил про них, но опустил подбородок на грудь и смотрел туда, куда ступала

его нога, пока не подошел к Хишаму. И он остановился перед ним, и опустил голову к земле, и молчал, не приветствуя и воздерживаясь от слов. И один из слуг сказал ему: «О собака среди арабов, что мешаешь тебе пожелать мира повелителю правоверных?»

И юноша обернулся к слуге, гневный, и воскликнул: «О седло для осла, этому препятствует длина пути, и я вспотел, когда пришлось по ступенькам вверх идти!» И Хишам вскричал (а гнев его увеличился): «О юноша, ты явился в день, когда пришла твоя пора и одежда от тебя ушла, и жизнь твоя истекла!» — «Клянусь Аллахом, о Хишам, — воскликнул юноша, — если время мое суждено сократить, то срок уже нельзя продлить, и ни малым, ни многим не могут твои речи мне повредить!» — «Или ты достиг такой степени, о сквернейший из арабов, что ты отвечаешь повелителю правоверных на каждое слово словом?» — воскликнул царедворец, и юноша поспешно ответил: «Да поразит тебя наваждение и да не оставит мученье и заблуждение! Или не слышал ты, что сказал Аллах великий: «В тот день, когда придет всякая душа, оспаривая, чтобы защитить себя?» И тут Хишам поднялся, сильно разгневанный, и воскликнул: «Эй, палач, ко мне с головой этого юноши! Он много говорит о том, чего никто не вообразит!»

И палач взял юношу, и привел его на ковер крови, и обнажил меч над его головой, и сказал: «О повелитель правоверных, это твой раб, сам собою кичащийся и к могиле своей стремящийся. Отрублю ли я ему голову, не ответственный за его кровь?» — «Да», — сказал Хишам. И палач спросил у него позволения второй раз, и Хишам ему позволил. И палач спросил позволения в третий раз, и юноша понял, что, если Хишам на этот раз позволит ему, палач его убьет. И он засмеялся, так что стали видны его клыки, и Хишам разгневался еще больше и воскликнул: «О юноша, я думаю, ты помешанный! Не видишь ты разве, что расстаешься с земной жизнью? Как же ты смеешься, издеваясь над собой?»

«О повелитель правоверных, — ответил юноша, — если жизни моей суждено продлиться, то ни малое, ни многое не может мне повредить! Но мне пришли на память стихи — выслушай их, — убить меня ты успеешь». — «Попадавай и будь краток!» — воскликнул Хишам.

И юноша произнес такие стихи:

«Говорили мне, что однажды сокол вцепился вдруг
В воробья в пустыне, что пригнан был судьбою,

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

И промолвил тут воробей в когтях того сокола
(А он, в него вцепившись, уносился):

«Тебе подобный сыт не будет от меня,
А коль съешь меня, то поистине ведь мал я».

Улыбнулся сокол, в самом себе уверенный,
Из кичливости, и спаслась тогда пичужка».

И Хишам улыбнулся и воскликнул: «Клянусь моим родством с посланником Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — если бы он произнес эти слова в первую же минуту и потребовал чего-нибудь, что меньше халифата, я бы, право, дал это ему! Эй, слуга, набей ему рот драгоценностями и дай ему хорошую награду!»

И слуга дал кочевнику великолепный подарок, и кочевник ушел своей дорогой.





РАССКАЗ ОБ ИБРАХИМЕ ИБН АЛЬ-МАХДИ



числу хороших рассказов относится и такой: Ибрахим ибн аль-Махди, брат Харуна ар-Рашида, когда власть в халифате перешла к аль-Мамуну, сыну Харуна ар-Рашида, не присягнул ему, но отправился в ар-Рей и объявил халифом самого себя. И он провёл так один год и одиннадцать месяцев и двенадцать дней, и сын его брата, аль-Мамун, ожидал, что он вернется к повиновению и присоединится к другим на пути общины, пока не отчаялся в его возвращении. И тогда аль-Мамун выехал с конными и пешими и вступил в ар-Рей, ища Ибрахима. И когда дошла до Ибрахима весть об этом, ему оставалось только прийти в Багдад и спрятаться, боясь за свою кровь. И аль-Мамун назначил тому, кто укажет, где Ибрахим, сто тысяч динаров.

«И когда я услышал об этой награде, — говорил Ибрахим, — я испугался за себя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим говорил: «И когда я услышал об этой награде, я испугался за себя и впал в замешательство. И я вышел из своего дома в полуденное время, изменив обли-

чье, и не знал, куда мне направиться, и вошел на улицу, не имевшую выхода, и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Я подверг тебя гибели! Если я вернусь по своим следам, меня заподозрят, так как у меня вид переодетого». И я увидел в конце улицы черного раба, который стоял у ворот своего дома, и подошел к нему и спросил: «Есть у тебя место, где бы я мог укрыться на час?» — «Да», — ответил он и открыл ворота. И я вошел в чистый дом, где были циновки и подушки из кожи, а раб, приведя меня туда, запер за мною дверь и ушел. И я заподозрил, что он услышал о награде за меня, и подумал: «Он пошел, чтобы на меня указать!» И я стал кипеть, как вода в котле на огне, и раздумывал о своем деле, как вдруг вошел негр, а с ним носильщик, у которого было все, что нужно: хлеб, мясо, и новые котлы, и принадлежности к ним, и новая кружка, и новые кувшины. И раб снял ношу с носильщика и затем, обратившись ко мне, сказал: «Да будет моя душа за тебя выкупом! Я отворяю кровь, и я знаю, что ты не побрезгуешь мною из-за того, что я делаю для пропитания. Вот тебе эти вещи, на которые не упала ничья рука. Поступай, как тебе вздумается».

«А я нуждался в пище, — говорил Ибрахим, — и сварил себе еду, и не помню, чтобы я ел что-нибудь подобное этому. А когда я удовлетворил свое желание, негр сказал мне: «О господин, да сделает меня Аллах за тебя выкупом! Не хочешь ли вина, оно приятно душе и прогоняет заботу». — «Это мне не противно!» — ответил я, желая подружиться с кровопускателем. И негр принес новые стеклянные сосуды, которых не касалась рука, и надушенный кувшин и сказал: «Процеди себе сам, как ты любишь!»

И я процудил вино наилучшим образом, и негр принес мне новый кубок, и плоды, и цветы в новых глиняных сосудах, а затем он сказал: «Позволишь ли мне сесть в сторонке и выпить одному вина, радуясь тебе и за тебя?» — «Сделай так», — сказал я и выпил, и негр тоже выпил, и я почувствовал, что вино зашевелилось в нас. И кровопускатель сходил в чуланчик и вынес лютню, украшенную металлическими полосками, и сказал мне: «О господин, мой сан не таков, чтобы я просил тебя петь, но на твоём великом благородстве лежит долг передо мною, и если ты сочтешь возможным почтить твоего раба, то тебе присущи высокие решения».

И я спросил его, не думая, что он меня знает: «А откуда ты взял, что я хорошо пою?» И негр ответил: «Да будет слава Аллаху! Этим наш владыка слишком известен! Ты мой господин Ибрахим ибн аль-Махди, наш вчерашний халиф, за которого аль-Мамун назначил сто тысяч динаров, но от меня ты в безопасности».

«И когда негр сказал это, — говорил Ибрахим, — он сделался велик в моих глазах, и я утвердился в предположении о его благородстве и согласился удовлетворить его желание.

И, взяв лютню, я настроил ее и стал петь, и мне пришла на ум мысль о разлуке с моим сыном и семьей, и я заговорил:

«И надеюсь я, что кто Юсуфу его близких дал
И в тюрьме его, где он пленным был, возвысил,

Ответит нам, и снова вместе нас всех сведет
Аллах, господь миров, могуч и властен».

И негром овладел чрезвычайный восторг, и жизнь показалась ему очень приятной (а говорят, что, когда соседи Ибрахима слышали, как он говорит: «Эй, мальчик, седлай мула!», их охватывал восторг). И когда душе негра стало приятно и его охватило веселье, он воскликнул: «О господин, разрешишь ли ты мне высказать то, что пришло мне на ум, хотя я и не из людей этого ремесла?» И я отвечал ему: «Сделай так, это следствие твоего великого вежества и благородства».

И он взял лютню и запел:

«Любимым я сетовал на то, как продлилась ночь;
Сказали они: «О, как для нас коротка та ночь!»

И все потому, что сон глаза покрывает им
Так скоро, а нам очей всю ночь не закроет сон,

Когда наступает ночь — мученье для любящих, —
Нам грустно; им радостно, когда наступает ночь.

И если бы им пришлось терпеть, что стерпели мы,
На ложе, поистине им было бы так, как нам».

И я воскликнул: «Ты отличился совершенным отличием, мой сердечный друг, и прогнал от меня боль печали. Прибавь же еще таких безделок!»

И негр произнес такие стихи:

«Когда не грязнит упрек честь мужа, увидишь ты,
Что всякий прекрасен плащ, какой он наденет.

Она нас корит за то, что мало число таких,
Но я отвечаю ей: «Достойных не много!»

Неплохо, что мало нас, — сосед наш высок душой,
Тогда как у большинства соседи столь низки.

Мы люди, которым бой постыдным не кажется,
Когда биться вздумают Салуль или Амир.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Желание умереть к нам срок приближает наш,
Они же не любят смерть, и сроки их долги.

Мы можем словам людей не верить, коль захотим,
Но верят словам они, когда говорим мы».

«И, услышав от негра эти стихи, — говорил Ибрахим, — я удивился им до крайней степени, и великий восторг заставил меня склониться, и я заснул и проснулся только после вечерней молитвы. И я умыл лицо, и вернулись ко мне мысли о величии души этого кровопускателя и его хорошем умении себя вести, и я разбудил его и, взяв бывший со мною мешок, в котором были ценные динары, бросил его негру и сказал: «Поручаю тебя Аллаху — я уйду от тебя! Прошу тебя, бери из этого мешка и трать на то, что тебя заботит, и тебе будет от меня великий дар, когда я окажусь в безопасности от страха».

«Но негр отдал мне мешок обратно, — говорил Ибрахим, — и сказал: «О господин, бедняки из нашей среды не имеют у вас цены, но, следуя моему благородству, как могу я взять деньги за то, что время подарило мне твою близость и ты поселился у меня? И если ты будешь возражать этим словам и еще раз кинешь мне кошелек, я убью себя».

«И я спрятал мешок в рукав, — говорил Ибрахим, — (и тяжело было мне нести его)...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль-Махди говорил: «И я спрятал мешок в рукав (и тяжело было мне нести его) и ушел. А когда я дошел до ворот дома, негр сказал мне: «О господин, здесь тебе укрываться лучше, чем где-либо еще, и нет для меня тяготы содержать тебя; оставайся у меня, пока не поможет тебе Аллах!»

И я вернулся и сказал: «С условием, что ты будешь тратить из этого кошелька». И негр дал мне понять, что он согласен на это условие, и я провел у него несколько дней, ведя самую сладостную жизнь, и он ничего не брал из этого мешка. И я счел зазорным оставаться у него на содержании и постыдился утруждать его и оставил его и ушел, перерядившись в наряд женщины — башмаки и покрывало, — и вышел из его дома. Но когда я оказался на дороге, меня

охватил страх, и очень сильный, и я пошел, чтобы перейти мост, и оказался у одного места, обрызганного водой.

И вдруг увидел меня военный из тех, что прислуживал мне, и узнал меня и крикнул: «Вот то, что нужно аль-Мамуну!» И уцепился за меня, и ради сладости жизни я толкнул его и опрокинул вместе с конем на этом скользком месте, и стал он назиданием для поучающихся, и люди поспешили к нему. А я постарался идти скорее и, перейдя мост, вошел в какую-то улицу. И я увидел у одного дома открытые ворота и в них женщину. И я сказал ей: «О госпожа, пожалей меня и спаси мою кровь от проклятия — я человек боящийся». А она отвечала: «Простор тебе и уют, входи!», и привела меня в горницу, и постлала мне и подала мне кушанье. «Пусть твой страх успокоится, ни одна тварь не узнает о тебе», — сказала она. И пока это было так, в ворота вдруг постучали сильным стуком. И женщина вышла и открыла ворота, и вдруг входит мой соперник, которого я толкнул на мосту, и голова у него завязана, и кровь бежит по его платью, а коня с ним нет. «Эй, ты, что тебя постигло?» — спросила женщина. И военный сказал: «Я схватил того юношу, но он ускользнул от меня».

И он рассказал ей, как было дело, и женщина вынула лоскут и, разорвав его на куски, перевязала военному голову, а потом она постлала ему, и он лег, больной. А она поднялась ко мне и сказала: «Я думаю, ты тот, о ком говорил этот военный». — «Да», — ответил я ей. И она молвила: «С тобой не будет беды» — и вновь оказала мне уважение.

И я пробыл у нее три дня, а потом она сказала мне: «Я боюсь для тебя зла от этого человека: как бы он про тебя не узнал и не донес бы о том, чего ты боишься. Спасай твою душу». И я попросил у нее отсрочки до ночи, и она молвила: «В этом нет беды!»

А когда пришла ночь, я надел женскую одежду и ушел от нее. И я пришел к дому одной вольноотпущенницы, принадлежавшей нам. Увидав меня, она стала плакать и причитать и восхвалять Аллаха великого за мое спасение. И она вышла, как будто желая пойти на рынок, чтобы позаботиться об угощении, и я подумал доброе, но не успел я опомниться, как увидел, что идет Ибрахим Мосульский со своими слугами и военными и впереди них женщина.

Я взгляделся в нее, и вдруг оказалось, что это моя отпущенница, владелица дома, в котором я находился, и она шла впереди них и передала меня им. И я увидел смерть воочию, и меня доставили в том наряде, в котором я был, к аль-Мамуну, и он собрал собрание для

всех и велел ввести меня к нему. И, войдя, я приветствовал его как халифа, но он воскликнул: «Да не даст тебе Аллах мира и да не продлит твою жизнь!» — «Не торопись, о повелитель правоверных, — ответил я. — Владыке мести дана власть возмездия и прощения, но только прощение ближе к благочестию, и Аллах поставил твое прощение выше всякого прощения, как он поставил мой грех выше всякого греха. И если ты взыщешь, то по праву, а если простишь, то по милости».

И потом я произнес такие стихи:

«Мой грех пред тобой огромен,
Но ты его еще больше.

Возьмешь или нет, что должно?
Прости его, будь же кроток.

И если в своем я деле
Достойным не был, то будь им».

«И аль-Мамун поднял ко мне голову, — говорил Ибрахим, — и я поспешил сказать ему такие стихи:

«Свершил я грех превеликий,
Тебе же простить пристойно.

Простишь — это будет милость,
Накажешь — так справедливость».

И аль-Мамун опустил голову и произнес:

«И если мой друг захочет меня прогнать
И в ярости я своей подавлюсь слюною,

Его я прошу, и грех отпущу ему я,
Боясь, что потом без друга мне жить придется».

«И, услышав от него эти слова, — говорил Ибрахим, — я почувал благоухание милости по его чертам, и аль-Мамун обратился к своему сыну аль-Аббасу и брату своему Абу-Исхаку и ко всем своим приближенным и спросил их: «Что вы думаете об этом деле?» И все посоветовали ему убить меня и были только не согласны насчет способа моего убийства.

И аль-Мамун спросил Ахмеда ибн Халида: «Что ты скажешь, Ахмед?» И тот сказал: «О повелитель правоверных, если ты его убьешь, мы найдем подобных тебе, что убили подобных ему, а если простишь, мы не найдем подобных тебе, что простили такого, как он...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных аль-Мамун, услышав слова Ахмеда ибн Халида, опустил голову и произнес слова поэта:

«Мой народ убил моего Умейма брата,
И меня стрела, коль метну ее, ударит».

И еще он произнес такие слова поэта:

«Прости же друга, когда смешал
Ответ удачный с ошибкой он.

Храни ты милость свою к нему,
Благодарен он иль презрел ее.

Воздержись же от порицания,
Коль с пути сойдет иль собьется он.

Ты видишь — на одном ковре
С приятным скверное лежит,

И сладость века долгого
Слита с отравой седин,

И шип мы видим на ветвях
Среди собираемых плодов,

Кто совершенно не грешил
И у кого одно добро?

Сынов ты времени узнай —
Увидишь — пало большинство».

«Услышав от него эти стихи, — говорил Ибрахим ибн аль-Махди, — я снял с головы покрывало и воскликнул: «Аллах велик!» И прославил Аллаха великим прославлением. «Клянусь Аллахом, простил меня повелитель правоверных!» — сказал я. И халиф произнес: «С тобою не будет беды, о дядюшка». А я молвил: «Мой грех, о повелитель правоверных, слишком велик, чтобы после него я мог выговорить извинение, а твое прощение слишком велико для того, чтобы после него я мог произнести благодарности!»

И я затынул напев и произнес такие стихи:

«Поистине, ведь творец достоинств собрал их всех
В седьмом имаме из ребра Адамова,

И сердца людей пред тобою страха исполнены,
Обо всех из них печешься ты, душой смирен.

Я слушался (а веревками заблуждения
Я притянут был), только жадностью влекомый.

Ты простил того, кому равного извинить нельзя,
Хоть заступники за него просить и не шли к тебе,

И ты сжалился над детками-цыплятами
И горестью их матери, в чьем сердце грусть».

И сказал аль-Мамун: «Я скажу, подражая господину нашему Юсуфу, — да будет с пророком нашим и с ним молитвы и привет! Нет укора на вас в сей день, да простит вам Аллах, — он премилостивый из милостивцев! Я прощаю тебя и возвращаю твое имущество и поместья, о дядюшка, и нет беды».

И я вознес за него праведные молитвы и проговорил такие стихи:

«Имущество мне вернув, его ты не пожалел,
А прежде чем возратить его, ты мне кровь сберег.

И если бы отдал я в угоду тебе и кровь,
И деньги, хотя бы снять мне обувь пришлось с ноги,

То было бы долгом лишь, к тебе возвратившись,
Когда бы ты не дал в долг, тебя не корили бы.

И если б я не признал теперь твоих милостей,
Я был бы достойнее упреков, чем ты щедрот».

И аль-Мамун оказал Ибрахиму уважение и милость и сказал: «О дядюшка, Абу-Исхак и аль-Аббас советовали мне убить тебя». И я молвил: «Они тебе добрые советчики, о повелитель правоверных, но ты совершил то, чего был достоин, и прогнал то, чего я боялся, тем, на что я надеялся». — «О дядюшка, — молвил аль-Мамун, — ты умертвил мою злую жизнь твоего извинения, и я тебя прощаю и не заставлю тебя проглотить горечь попрека».

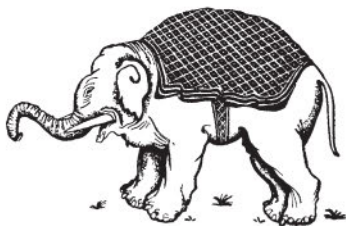
И аль-Мамун пал ниц и поднял голову и спросил: «О дядюшка, ты знаешь, почему я пал ниц?» — «Может быть, ты пал ниц, благодаря Аллаха за то, что он отдал тебя во власть твоего врага?» — ответил я. И аль-Мамун молвил: «Я хотел не этого — я благодарил Аллаха, который внушил мне простить тебя и быть к тебе милостивым. Расскажи же мне твою историю».

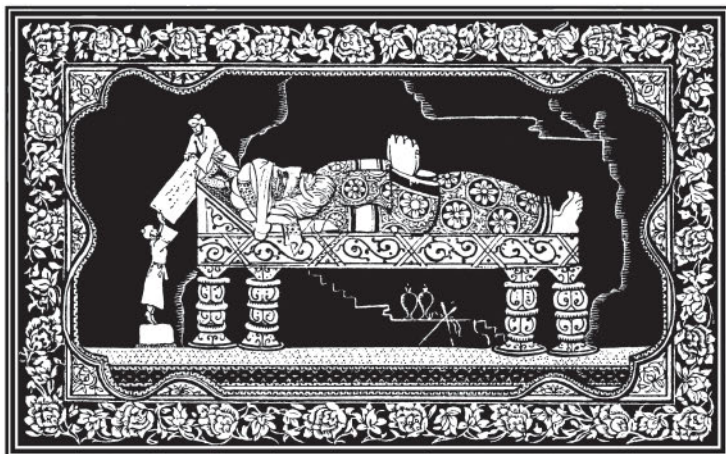
И я изъяснил ему мое дело и рассказал, что случилось у меня с кровопускателем, и военным, и его женой, и отпущенницей, указавшей на меня. И аль-Мамун велел привести отпущенницу (а она была дома, ожидая, что ей пришлют награду).

И когда она предстала перед халифом, тот спросил: «Что побудило тебя сделать такое с твоим господином?» — «Жадность», — отве-

чала она. И халиф спросил: «Есть у тебя ребенок или муж?» И она отвечала: «Нет!» И халиф велел сто раз ударить ее бичом и навеки заточить. А потом он велел привести военного с женой и кровопускателя. И они явились, а аль-Мамун спросил военного, почему он так поступил. «Жадность до денег», — отвечал он, и аль-Мамун молвил: «Тебе следует быть кровопускателем». И приказал поместить его в лавку кровопускателя, где он научился бы делать кровопускания. А жене военного он оказал уважение и велел отвести ее во дворец и сказал: «Это женщина умная, она пригодится для важных дел».

И потом он сказал кровопускателю: «Ты проявил такое благородство, что тебе следует оказать еще большее уважение». И велел отдать ему дом военного и то, что в нем было, и наградил его почетной одеждой и приказал выдавать ему, сверх того, пятнадцать тысяч динаров ежегодно».





РАССКАЗ ОБ АБД-АЛЛАХЕ, СЫНЕ АБУ-КИЛЯБЫ



ассказывают, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба выехал искать своих верблюдов, которые убежали. И вот он ехал по пустыням земель йеменских и по землям Саба и оказался перед большим городом, вокруг которого было укрепление, а вокруг укрепления — дворцы, возвышавшиеся к небу. И, приблизившись к этому городу, Абд-Аллах подумал, что там есть обитатели, которых он спросит про своих верблюдов, и направился туда. Но, достигнув города, он увидел, что город пустынен и нет в нем ни человека.

«И я сошел со своей верблюдицы», — говорил Абд-Аллах...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Киляба говорил: «И я сошел со своей верблюдицы, и связал ей ноги, и, ободлив свою душу, вступил в город и приблизился к крепости. И я увидел в крепости двое больших ворот, равных которым по величине и высоте не видано на свете. И были они украшены разными драгоценными камнями и яхонтами — белыми, красными и зелеными.

И, увидев это, я удивился до крайней степени, и показалось мне все здесь великим. И я вошел в крепость, испуганный и ошеломленный, и увидел, что эта крепость длинная, вытянутая и обширная, как город. И там находятся высокие дворцы, и в каждом дворце есть покои, и все они выстроены из золота и серебра и украшены яхонтами, разноцветными камнями, топазами и жемчугом. И створы ворот в этих дворцах подобны по красоте створам ворот крепости. А земля там усыпана большими жемчужинами и шариками мускуса, амбры и шафрана. И когда я проник внутрь города и не увидел там никого из сыновей Адама, я едва не лишился чувств и не умер от страха. И я посмотрел с самых высоких горниц и дворцов и увидал, что под ними текут реки, а на площадях города плодоносные деревья и высокие пальмы и в строениях его один кирпич золотой, другой серебряный. И я сказал тогда себе: «Нет сомнения, это и есть рай, обещанный в будущей жизни!»

И я стал собирать из песка жемчуга и мускус, и набрал их столько, сколько мог снести, и воротился в свою страну и осведомил об этом людей.

И дошел этот слух до Муавии ибн Абу-Суфьяна, а он был в те дни халифом в аль-Хиджазе. И халиф написал своему наместнику в Сана йеменский, чтобы тот призвал к себе того человека и расспросил бы его об истине в этом деле. И наместник Муавии призвал меня и осведомился обо мне и спросил, что со мной произошло. И я рассказал ему о том, что видел, и наместник послал меня к Муавии. И я ему тоже рассказал о том, что видел, но Муавии усомнился в моем рассказе. И тогда я показал ему жемчужины и шарики амбры, мускуса и шафрана. А они еще сохраняли немного приятный запах, но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился...»

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Абу-Кияба говорил: «Но только жемчуг пожелтел и цвет его изменился». И удивился Муавия ибн Абу-Суфьян, увидав у меня жемчуг и шарики мускуса и амбры, и послал к Кабу-аль-Ахбару, и призвал его и сказал: «О Каб-аль-Ахбар, я позвал тебя для того, чтобы удостовериться в деле, которое я хочу проверить, и я надеюсь от тебя получить верные сведения». — «Слушаю, о повелитель правозверных!» — отвечал Каб-аль-Ахбар.